

Николай ВЕХОВ,

кандидат биологических наук

У ОХОТНИКОВ И ПРОМЫСЛОВИКОВ ПОНИЗОВИЙ ПЕЧОРЫ

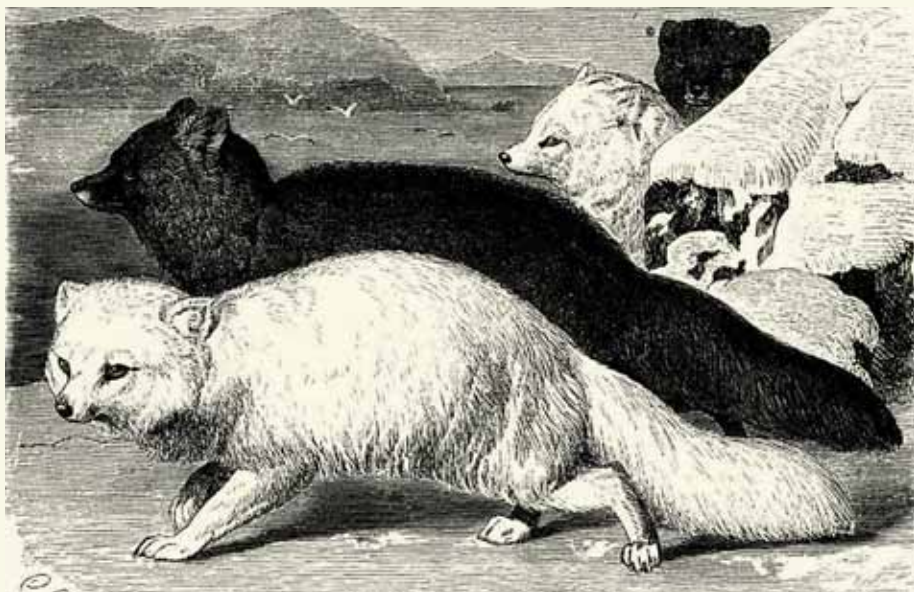
На рубеже XV–XVI вв. на Нижней Печоре сформировался интереснейший очаг русской цивилизации — Пустозерская волость с центром в Пустозерске, или, как его еще называли, — Городке, подчеркивая тем самым, что город в Архангельской губернии был один, Архангельск. На Нижнюю Печору съезжались люди, выходцы из Поморья, — кто в поисках более удачливой жизни, кто гонимый властями. Так или иначе, но нижнепечорские поселенцы перенесли на свое новое место жительства приемы поморской промысловой деятельности, добавив, естественно, специфику, обусловленную новыми условиями проживания на Севере.

Любому путешественнику, даже современному, эта область Русского Севера поначалу может показаться бесплодным, унылым краем. Восточная часть огромной территории, на две с лишним сотни километров протянувшаяся до Урала, ныне известна как Большеземельская тундра. А на противоположном берегу располагаются Малоземельская и Тиманская тундры. Выше долины реки, где еще встречаются идущие почти до океана древесно-кустарниковые заросли из многометровых ив и берез, расстила-

ется безбрежная тундра, усеянная тысячами озер, с труднопроходимыми бугристыми торфяниками и осоковыми болотами, тучами комаров и «вредными испарениями», как считали в старину, исходящими от болот в летнее время, когда воздух под беззакатным арктическим солнцем прогревается иной раз до 25–30° и даже выше. Все это перемежается ерниковой тундрой из цепкой карликовой березы, по которой порой и не пройдешь, или переплетенными между собой

ивняковыми зарослями из частокола кривых стеблей в метр высотой. Скрашивают пейзаж сырые понижения да берега озер, где осока и красочное разнотравье образуют пестрый ковер. Но несмотря на это, под поверхностным слоем торфяника или глины уже на глубине полуметра лежит уходящая в глубь земли толща вечной мерзлоты.

Зимой все понижения забиваются снегом, который лежит затем до середины лета. А уж на гривах, глинисто-щебнистых море-

нах бывшего ледника, где зимой, наоборот, лютыми ветрами сметало весь снег, сохраняются только мох и лишайник, лишь изредка — злаки, остальное все вымерзает и уничтожается снежными пургами.

Настоящего леса на Нижней Печоре, по крайней мере у Пустозерска, не было; только кривые березы до извилистые ели. Строевой лес рос выше по течению, где-нибудь километрах в 100-150 в долине Печоры, но не выходя за пределы поймы; его за столетия вырубали полностью, и сейчас граница леса отодвинулась еще дальше на юг.

Вся жизнь — и растительная, и животная — ютится в долине Печоры. В протоках-курьях и старицах, да и в самой многокилометровой по ширине реке водятся бесчис-

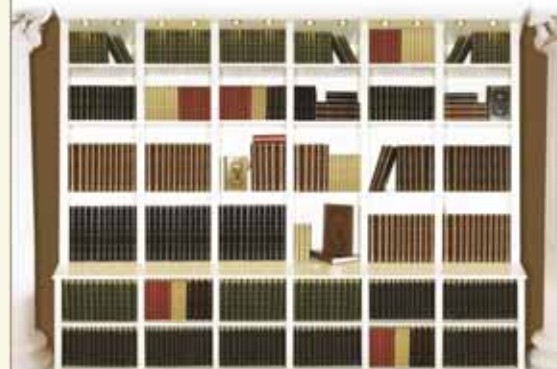
ленные стаи различной рыбы. Тут и царь-рыба — ценнейшая семга, устьевого омуля и камбала, речные и озерные окуни, хариусы, сига, язи и пелядь. Бескрайние тундровые пространства — основные местообитания тысячных стад дикого северного оленя, пушистых песцов, крикливых куропаток, несметных туч гусей и уток.

В течение столетий соседствуя с северными «инородцами», которые по грамоте Ивана Грозного от 1545 г. были единственными владельцами тундры и богатейших семужьих ловищ в Болванской губе, «пустозеры» переняли у них ряд видов и навыков промысловой деятельности. Постепенно русские переселенцы стали владельцами большей части оленьего поголовья и пастбищ в материковых тундрах и на близ-

БИБЛИОТЕКА

НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ОХОТНИКОВ

400 томов

сброшюрованных репринтных изданий

Уникальная подборка 30 наименований полных комплектов периодики на тему охоты, издававшейся с 1846 по 1917 годы. Для комплектования использовались фонды 5 крупных государственных библиотек Санкт-Петербурга и Москвы, а также частные собрания.

единая по России цена

Тираж: 15 библиотек.
Уже продано 10!

12 500 000 руб.

а также

ДОРОГИЕ ПОДАРОЧНЫЕ КНИГИ

на тему «ОХОТЫ»

РУССКАЯ ОХОТА

серебро, шагреня, лаковая шкатулка, ручная роспись
Н.И. Кутелов

390 000 руб.

ЦАРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ

репринтное издание 1896
года: 4 тома в 3-х переплэтах
Н.И. Кутелов

120 000 руб.

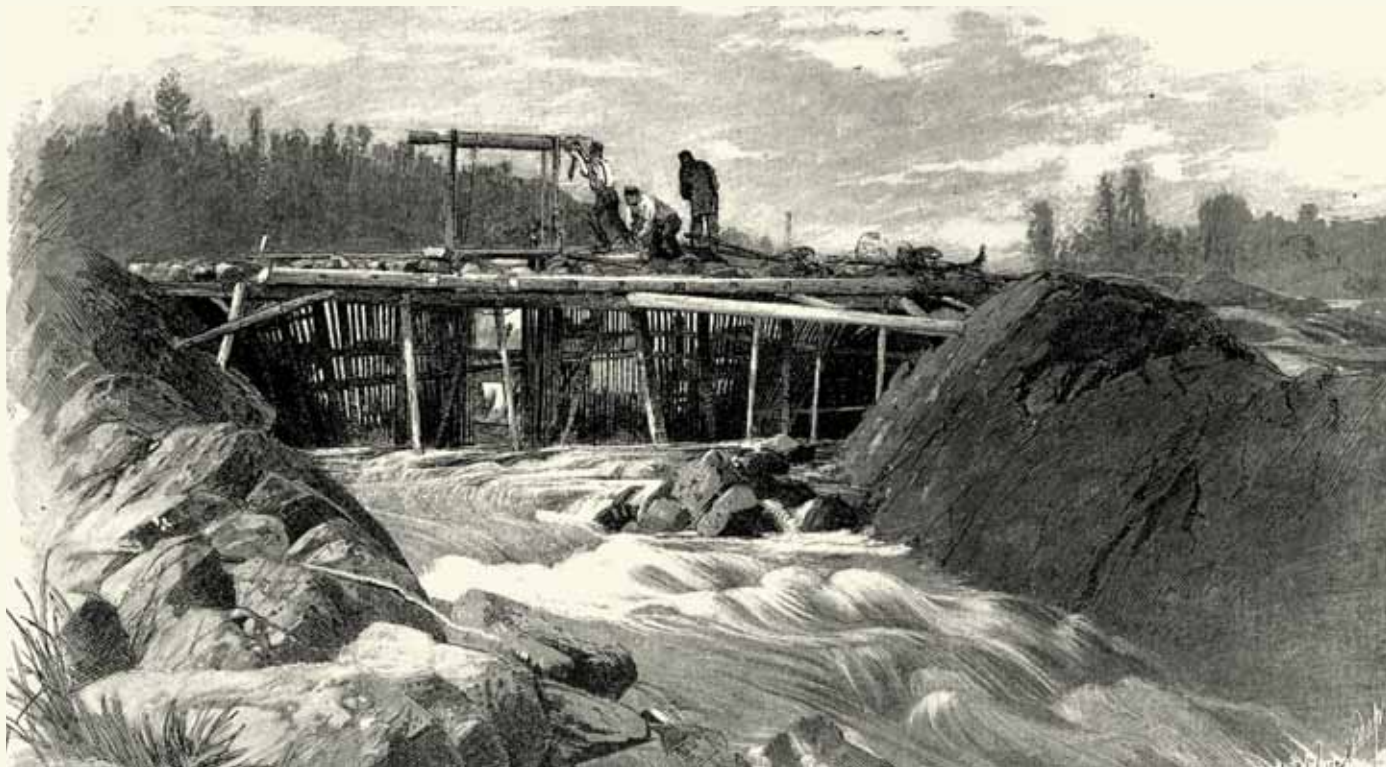
... и другие книги в книжном бутике

Libourge
BOUTIQUE

www.libourge.ru
(495) 960-66-91

Москва

лежащих морских островах — Колгуеве, Вайгаче, Долгом, Матвееве и других, завладели всеми рыбными тонями. Более приспособленные к северному кочевому образу жизни самоеды стали наниматься в пастухи к русским владельцам, хозяева же только летом наезжали в стада.

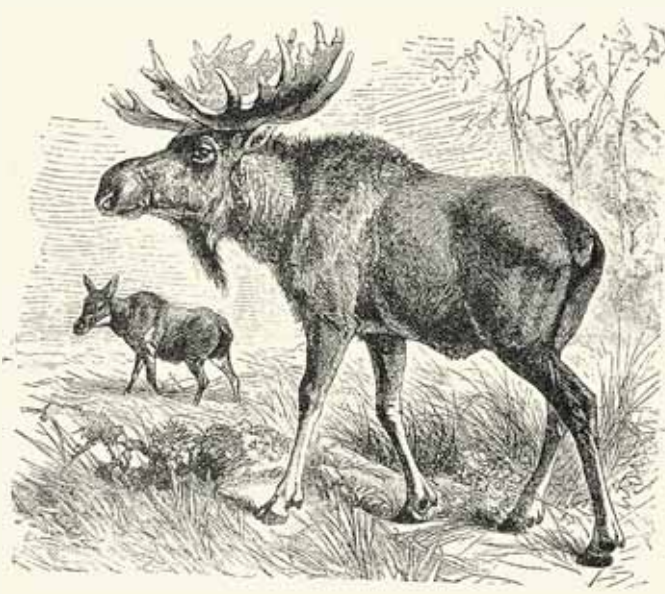
Основными занятиями русских жителей Нижней Печоры вплоть до первой трети XX столетия оставались охота на оленя, промысел пушного зверя — песца и других зверей, рыболовство, морской зверобойный и птичий промыслы, торговля. В отличие от других совладельцев тундр — зырян-коми и самоедов-ненцев, которые широко перемещались по просторам материковой суши и островам — ареалы хозяйственной деятельности пустозеров редко выходили за преде-

лы Пустозерского уезда, удаляясь от Городка. В XVI–XVII вв., кроме местных промысловых угодий, следуя традициям поморской промысловой культуры, часть из них еще ходили на Грумант (Шпицберген) за моржом. К концу XIX — началу XX вв. охотничье-промысловое и торговое влияния пустозеров распространялись от тундр Северного Тимана и Колгуева на западе до острова Вайгача, Югорского Шара и Урала на востоке, а наиболее отважным промысловикам-пустозерам удавалось ходить на новоземельские промыслы или гонять оленя за Урал, аж на Ямал.

Во все века число русских из нижнепечорских селений, участвовавших в промысловой деятельности, не превосходило нескольких сотен человек ежегодно.

Разными видами промыслов в каждой семье занимались 3–4 человека. В целом же, на рубеже XIX–XX столетий на Нижней Печоре промышляло около 3200 человек. Почти 60% из них занимались преимущественно самым доходным на то время рыбным ловом, около 30% предпочитали птичий промысел, а, казалось бы, таким прибыльным на Севере, в краю несметных стад пушных зверей, видом деятельности, как добыча ценных шкурок песца и горностая, были верны лишь 10% охотников.

Этот малонаселенный край вплоть до рубежа XIX и XX вв. держал первенство по всей Архангельской губернии по вылову семги (более 2500 пудов), сига и другой рыбы, среди которой наибольшую денежную выручку приносила реализация самых

ценных ее пород — семги, нельмы и сига. В конце XIX в. чердынские купцы ежегодно вывозили из Пустозерской волости от 32 до 80 т семги, до 350–370 т другой рыбы, а пустозерские торговцы поставляли на Пинежскую ярмарку по 3,2–16 т семги и до 30–40 т другой рыбы. Начало XX в. осталось в летописи освоения природных богатств Русского Севера как период самых значительных за всю историю Печорского края уловов рыбы. К концу 1910-х гг. в общий объем продаваемой скупщикам рыбы за год доходил уже до 4 тыс. тонн. В это время основной вывоз рыбы шел в Архангельск в соленом или мороженом виде, а оттуда перекупщики развозили ее по другим российским ярмаркам. Часть продукции рыбного промысла, как, например деликатес,

соленая семга весом более 10 фунтов, поступала даже в столицу, в Санкт-Петербург.

Среди главных занятий русского населения на Нижней Печоре и в прилегающих районах Большеземельской и Малоземельской тундр несколько веков добыча морского зверя оставалась у него ведущим. Как и поморы из селений Беломорья, «пустозеры» отправлялись к местам промыслов сразу после вскрытия ото льда морских губ и заливов и даже еще не дожидаясь их открытия. Из нижнепечорских деревень Оксина, Андега, Великовисочной, Куи, Тельвисочной и других ежегодно по несколько судов — людей, шняк и карбасов, спускалось по весне в Печорскую губу, а затем уже рас-

ходило по своим промысловым участкам, которые располагались на косах, мысах и в заливах от меридиана острова Колгуева до востока Байдарацкой губы. Прибрежные районы материковой суши являлись основными местами добычи нерпы и тюленей.

Угодьями пушного промысла в пределах владений пустозеров являлись безлесные пространства материковых тундр, острова Колгуева и Вайгача. Среди основных объектов промысла «мягкой рухляди» на первых этапах освоения региона был песец, а позже к нему добавились горностай, лисица и волк. Добывали на Севере россомах и бурых медведей, но очень редко, лишь когда звери проникали в тундру, следуя за оленьими стадами или же из числа постоянно держащихся тут в островных лесах в долинах рек, как, например, в реликтовом еловом лесном острове на реке Море-Ю. По одному-два зверя, иной год и больше, удавалось отстрелять их охотникам в Большеземельской тундре. Хотя песец и пользовался повышенным спросом, но по абсолютным величинам (по числу добытых шкур) он уступал место горностаю.

Во время кочевок за оленьими стадами пустозерских владельцев их пастухи-самоеды силками, пастями (кулемами) на приманку и боем из ружей добывали пушных зверей. Лишь в XIX — начале XX вв. они стали пользоваться капканами для добычи песца, преимущественно американского производства; отечественные же капканы, почему-то не нашли широкого применения. Состояли на вооружении у пустозеров и кустарно изготовленные самоловы. Малыми тарелочными капканами промыслили горностая и мелких зверей, средними — лисиц, зайцев и песцов. Специальные капканы с зубьями использовали для россомах и волков. 🐾

Окончание в следующем номере

Николай ВЕХОВ,

кандидат биологических наук

Окончание, начало в №12/2013

У ОХОТНИКОВ И ПРОМЫСЛОВИКОВ ПОНИЗОВИЙ ПЕЧОРЫ

Научно-технический прогресс конца XIX – начала XX вв. добрался и до экзотической области России, до Русского Севера, когда и тут для промысла росомх, лисиц, песцов и волка стали использовать такой способ добычи как травлю зверей «пилюлями» — приманками с ядом. Распространен был и заимствованный у самоедов «кормяжный» способ получения пушнины. «Кормяжки» — отловленные живыми и воспитанные в неволе, подчас содержащиеся в настоящих скотских условиях — в ящиках, бочках, а реже — прямо в доме, зверьки после зимней линьки забивались. Получаемый при этом мех таких искусственно выращенных зверьков значительно уступал по качеству и по цене дикому — имел меньшую пушистость и густоту.

В ходу у пустозеров был и зимний промысел зайцев. Длящийся всего пару месяцев, октябрь-ноябрь, он во многом напоминал силковую добычу куропаток. Вооружившись лыжами, охотник следовал заячьей тропой, расставляя по 10-15 капканов. Это угодые составляло одну ухажу, но капканы здесь стояли так редко, что на обход каждого

промыслового участка требовался целый день. Таких ухаж каждый охотник имел не менее двух-трех, а удалены они были не более чем на 5-10 верст от жилья, так что на ежедневный осмотр охотничьих снастей промысловик мог отправляться из дома.

На Севере всегда особняком среди других видов охот и промысловой деятельности стоял выпас оленей. Он шел на

собственные нужды промысловиков. Из оленьих шкур шилась обувь, изготавливалась одежда. Пустозеры владели стадами, выпасающимися на Колгуеве и на правом берегу Печоры. Но оленеводство на Русском Севере никогда не было стабильным. Тут нередки были периоды массового падежа животных из-за бескормиц, вызванных оттепелями и гололедами, после нескольких лет увеличения пого-

ловья, когда численность стад падала иной раз в несколько на пару порядков.

Экзотическим покажется нашим современникам такой вид промысловой деятельности пустозеров, как птичий промысел. Традиционным у жителей Пустозерской волости был силковый промысел куропаток зимой. О размахе этого вида деятельности свидетельствует тот факт, что на рубеже XIX – XX вв. с Печоры в Мезень, Пинегу и Архангельск ежегодно по снегу отправлялись более 500 возов с битой и мороженой птицей. Каждый такой воз был весом по 20–25 пудов. А, в свою очередь, каждый вывозимый из тундры пуд это – 14 пар куропаток.

Несмотря на кажущуюся простоту этого вида промысла, подобное занятие,

на самом деле, было очень трудоемким. Лишь жители селений, близ которых располагался пойменный лес или богатые зимние кормовые угодья куропаток, имели возможность ловить птиц, что называется, «сразу за порогом дома». Здесь лов птиц пользовался особой популярностью. Помимо куропаток тут добывали и лесную дичь, причем и ее пудами вывозили в центральную часть Архангельской губернии. Пуд такой поклажи на возу на ярмарку включал уже либо 18–20 пар рябчиков, либо 4 пары «пеструхи» и глухарей, либо по 7–8 пар полевых тетеревов. Из тех же селений, от которых лес отстоял далеко, охотники сами отправлялись в поисках куропатки

за десятки километров в затерянные среди снежных просторов лесные островки.

Промысел куропаток самый простой и наиболее эффективный до сих пор дает знать о себе. Районы его былого распространения можно и сейчас определить по

часто встречающимся на всевозможных поднятиях в тундре «заборчиках»-городках, частью уже покосившихся, частью сохранивших всего две-три палочки. Воткнутые в землю между кустами ивы и карликовой березы и холмиками, многие из которых когда-то были искусно изготовлены охотниками, палочки-расщепы означали небольшую искусственную преграду на пути куропатки. В проходе между ними располагали силки. В качестве приманки по обеим сторонам силка втыкали по веточке березы с почками. Перебегая от одной ветки к другой через воротца в заборчиках, куропатки запутывались тут в расставленных силках. Каждый охотник выставлял по 200–600 силков. На обход своего промыслового владения, ухужи, в зависимости от расстояния между силками и размеров ухужи, он тратил несколько

дней. Ежедневно удавалось обойти не более 150-200 силков, а места выставления силков нередко были удалены друг от друга на несколько верст одно от другого. Осмотр каждого силка тоже требовал времени. Нужно было вынуть застывшую птицу, очистить силок и место вокруг него от снега, да еще надежно упаковать добытую птицу на санях-«чужнях», которые каждый охотник таскал за собой. Такой промысел куропаток слыл не менее трудозатратным, чем подледная рыбная ловля на близлежащих озерах. Ведь охотник постоянно перемещался по тундре, следуя за мигрирующими птицами. Если уходи еще располагались поблизости от жилья, не далее 5-10 верст, то они на ночь

возвращались в деревни. Когда же птица уходила в тундру или к предельной кромке северного леса, туда следовали и охотники, но отсюда они не возвращались на ночь в хорошо протопленные избы, домой, а довольствовались походным бивуаком – чумом самоеда-кочевника, если повезет встретить на своем пути семью пастуха-оленьщика, или же сооруженным из подручных средств шалашом. Зимний промысел куропаток силками длился с ноября по март.

В XIX – начале XX вв. пустозерские купцы снаряжали настоящие экспедиции, отправляющиеся по весне, в конце апреля — начале мая, в свои промысловые уголья – на Югорский Шар. В тундрах еще

лежал снег, овраги были забиты слежавшимся настом, а реки и болота, озера и морские заливы у берегов продолжали быть скованными льдом, позволяющим без особых усилий преодолевать эти препятствия. Из Пустозерска к местам омулевого и зверобойного промыслов, в районы летних самоедских пастбищ, под призором приказчиков отправлялись загруженные доверху караваны оленьих упряжек. Растянувшийся на сотни метров олений караван следовал по тундре вдоль побережья Северного Ледовитого океана, пересекая на своем пути все сколько-нибудь значимые реки и ручьи, изредка обходя самые трудные места по льду замерзших заливов. В зависимости

от климатических условий года этот путь мог длиться до полутора месяцев. Наступившая весна вдруг обрушивалась на путников то дождем, то оттепелями, съедающими последние остатки снега. Немало сил уходило и на преодоление враз вздувшихся рек и ручьев, превратившихся в огромные потоки несущейся воды. Такие преграды форсировали вплавь, стоя на санях.

Хотя при отправке из Пустозерска продукты и товары пытались упаковать хорошо, закупоривая их в бочки, к конечному пункту часто они уже довозились в изрядно подпорченном виде. Не доставляло особого восторга и купание всего населения каравана в ледяной воде. Ведь на дру-

гом берегу преодоленной с трудом преграды часто и обсушиться не всегда удавалось; в округе не оказывалось ни единой подходящей веточки для костра, не говоря уже о целом полене или спасительном бревне. Бывали случаи, когда караван становился лагерем у моря, а в Пустозерск отправлялся гонец с известием о невозможности продолжения пути. Тогда хозяевам приходилось снаряжать судно, отправлять его на помощь терпящим бедствие караванщикам, доставлять их, товары и продукты уже морем. А аргиш налегке следовал на берег Югорского шара. Добравшиеся до самоедских становищ аргишники считали себя вдруг заново родившимися.

В этих становищах приказчики оставались до осени. Осенью, когда с первыми крепкими морозами, тундра замерзала, они с продукцией промыслов, которую выменивали у самоедов на доставленные весной продукты и товары, отправлялись в обратный путь. Часть продукции промыслов с этих отдаленных владений пустозерцев вывозилась морем, на судах, вместе с хозяевами, обычно ежегодно посещавшими их во второй половине лета. Такие экзотические способы передвижения по охотничьим угодьям, как и в целом весь, кажущийся сейчас, анахронизмом примитивный быт и способы промысловой деятельности сохранялись до конца 1920-ых гг. 🐾

